

Комиссарское дело

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar
написано kitapcy | 24 января, 2025
Комиссарское дело КОМИССАРСКОЕ ДЕЛО

Степан Георгиевич Шаумян. арм. Մտիփախ Շահնուջյան
Зачем члену ЦК партии эсеров Вадиму Чайкину понадобились бакинские комиссары?

Правда, в могиле были обнаружены останки только 23 человек. Судебно-криминалистическая экспертиза, проведенная 24 – 26 января 2009 года с участием ведущих специалистов Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) и Объединения судебно-медицинской экспертизы и патологической анатомии Минздрава Азербайджана, выявила, что все люди погибли от многочисленных ранений, полученных от двух видов оружия – винтовочных выстрелов и ножевых ударов.

Но сенсация была не в том, что в могиле не досчитались останков трех людей. Директор Института истории Национальной академии наук Азербайджана (НАНА), депутат парламента Ягуб Махмудов выступил с заявлением о том, что в могиле 26 бакинских комиссаров нет останков Степана Шаумяна, Татевоса Амиряна и Арсена Авакяна. Депутат парламента Азербайджана историк Насиб Насибли прокомментировал это факт следующим образом: «Еще в середине 80-х годов XX века, во времена горбачевской перестройки в прессе было много публикаций относительно того, что англичане расстреляли не всех 26 бакинских комиссаров. В частности, не был расстрелян Степан Шаумян и несколько других армян. Они были перевезены в Индию, которая в то время была колонией Великобритании, и скончались там своей смертью». В этой связи историк Керем Мамедов уверенно заявил, что «Степан Шаумян еще в 70-е годы жил в Индии». Причем в качестве одного из доказательств выдвинутой им версии приводился обнаруженный в Национальном архивном управлении Азербайджана любопытный документ: телеграмма, отправленная 8 марта 1919 года из Тифлиса военным атташе

Азербайджана в Тифлисе, полковником Мамедбеком Алиевым главе правительства и министру иностранных дел Азербайджанской народной республики Хан-Хойскому. В ней, со ссылкой на перехват 26 февраля 1919 года Тифлисской радиостанцией сообщения, посланного из Астрахани некоему Соколову, предлагался обмен арестованного представителя Союзнической миссии – союзниками называли США, Великобританию и Францию – на Степана Шаумяна и других военнопленных. В этой связи Институту истории Национальной академии наук Азербайджана было поручено провести историческое изучение неожиданно возникшей проблемы.

- Ловушка для Шаумяна

Начнем с того, что обстоятельства, связанные с исчезновением бакинских комиссаров, остаются во многом загадочными. 25 июля 1918 года на расширенном заседании Баксовета при обсуждении вопроса обороны города от наступления турецко-мусаватистских войск 258 голосами против 236 было принято решение об обращении за помощью к находившимся в соседней Персии англичанам. Совнарком решил сложить свои полномочия под предлогом, что помощь англичан «противоречит условиям Брестского договора».

Баксовет образовывал новое правительство – Диктатуру Центрокаспия. 9 августа 1918 года Владимир Ленин посылает запрос председателю астраханского военсовета: «Положение Баку для меня неясно. Кто у власти? Где Шаумян? Запросите Сталина и действуйте по соображениям всех обстоятельств. Вы знаете, что я доверяю Шаумяну полностью».

Вскоре в Баку появляется со своим отрядом Г.К.Петров. 3 сентября 1918 года газета «Известия ВЦИК» печатает сообщение из Баку: «15 августа весь день на Петровской пристани выгружаются пароходы, прибывшие из Астрахани. На них находится большое количество вооружений. Эти части, прибыв в Баку и узнав, что Советской власти в городе больше не существует, а в Баку находятся несколько сот англичан, на своих собраниях выносили резолюции с требованием восстановления Советской

власти». Г.К.Петров срочно телеграфирует Ленину: «Приходится вести борьбу с партиями, о которых в России почти не слышали. Как-то: дашнакцутюн и пр. Главное, у многих партий явно английская ориентация. Теперь все зависит от быстроты переброски моих частей сюда».

Но у Петрова в Баку ничего не получилось. Он принимает решение покинуть Баку. 14 августа ночью во время сильного шторма отряд Петрова вместе с комиссарами покидает на пароходах город. Однако им вдогонку бросились военные суда Каспийской флотилии, которые под угрозой обстрела заставляют корабли вернуться назад в Баку. Комиссаров арестовывают, обвиняя их в дезертирстве. Начинаются непростые переговоры. В конце августа 1918 года в Баку прибывает из Астрахани Георгий Стураа. Эсерам Саакянцу и Велунцу и меньшевику Садовскому – лидерам новой бакинской власти – он предлагает план. Большевики согласны оказывать помощь войсками – в течение недели из Астрахани прибудет 7 – 8 тысяч красноармейцев, освобождаются из заключения комиссары, начинается отпуск нефти в РСФР, проблема власти остается открытой до разгрома турок.

Диктатура отвечает своими условиями: пропустить из Поволжья через Астрахань белочехов в обмен на беспрепятственную поставку нефти большевистской России. Переговоры срываются. Объявляется, что бакинские комиссары будут преданы суду. В дело опять вступает Петров. В обмен на освобождение из-под ареста комиссаров он направляет свои части на фронт и отбивает первый штурм турецко-мусаватистских частей. И все же бакинские комиссары на городской конференции принимают окончательное решение: покинуть город. Диктатура Центрокаспия вновь их арестовывает и принимает окончательное решение прижать их военно-полевому суду.

Но в суматохе комиссарам удается покинуть город. Правда, намечавшийся поначалу план эвакуации на пароходе «Севан» таинственным образом срывается. Анастас Микоян договаривается с дашнаками, они предоставляют свой пароход «Туркмен», на котором и начались необычные приключения.

- Микоян объясняется

Дальнейший ход событий описывает в своих мемуарах сам Анастас Микоян. Пароход «Туркмен» был забит беженцами и вооруженными солдатами. Когда он отчалил от пристани и вышел из бухты, Микоян подошел к Шаумяну и сообщил, что все капитаны имеют предписание идти в Петровск, куда эвакуировалась Диктатура Центроскаспия.

Микоян предлагает переговорить с капитаном, чтобы заставить его незаметно изменить курс на Астрахань. Поначалу тот соглашается, но взбунтовалась команда, которая не желала отправляться к большевикам. Принимается решение идти на Красноводск.

Утром 16 сентября **«Туркмен»** был остановлен на рейде **Красноводска** баркасом «Бургас» с военными. Шаумян собирает всех в кают-компании и заявляет, что «нас будут арестовывать», и поэтому нужно спуститься вниз, чтобы смешаться с пассажирами, попытаться проскочить через контроль, пробраться в город с тем, чтобы добраться потом до Астрахани или до Ташкента.

Удалось пройти два пункта проверки. Но на третьем было арестовано 35 человек. Их поместили в арестный дом, стали выяснять, кто из задержанных Шаумян, Азизбеков, Джапаридзе. Позже, как пишет Микоян, часть арестованных была переправлена в ашхабадскую тюрьму.

- «Сухарный список»

В истории со списком «26» тоже многое неясно. Принята и кочует из издания в издание следующая версия. Якобы при обыске комиссаров в Красноводске у наркомвоена Коммуны Г. Корганова нашли список тех, кто сидел в Баку в Биловской тюрьме. Он был старостой группы и раздавал по этому списку сухари заключенным. Именно по этому списку якобы и отобрали комиссаров и увезли их в Красноводск.

Такая ситуация маловероятна. Корганов являлся опытным конспиратором, и при задержании комиссаров в Красноводске он обязательно бы уничтожил список, если таковой был в

действительности.

Вскоре в Баку стали циркулировать слухи о том, что одни комиссары расстреляны в Закаспии, других же вывезли через Персию в Индию. Поэтому Москва не располагала точной информацией об их суде. 24 января 1919 года Советское правительство предложило Лондону «обмен. тов. Шаумяна, Джапаридзе и других членов Бакинского правительства с их семьями, увезенными англичанами из Баку, на английскую миссию, задержанную во Владикавказе». 13 февраля Кремль затребовал у британского правительства разрешение для въезда в страну комиссии «для принятия всех подготовительных мер для общего обмена».

Лондон отмалчивался. Это объясняется следующими обстоятельствами. Державы Согласия приняли решение организовать встречу всех российских правительств и правительств стран, отделившихся от России, с представителями союзников на Принцевых островах в Мраморном море. Встречу предлагалось открыть 15 февраля 1919 года. 4 февраля 1919 года нарком по иностранным делам Георгий Чичерин по радио отправил ответ союзникам. Большевики заявили о готовности выплатить иностранные долги, о готовности предоставить горнорудные, лесные и другие концессии гражданам союзных стран, о готовности на территориальные уступки союзным державам. «Правительство прибавляет, что, по его мнению, под аннексиями следует подразумевать сохранение на той или иной части территории бывшей Российской империи, за вычетом Польши и Финляндии, военных сил Согласия или же таких, которые содержатся правительствами Согласия, или пользуются их финансовой, технической, военной или иной поддержкой», – подчеркивалось в послании Георгия Чичерина. И еще. Наркоминдел РСФСР сообщал, что советское правительство начало переговоры с членами бывшего Учредительного собрания, членами ЦК партии эсеров Ракитниковым, Святицким, Вольским, Шмелевым, Гуревичем, Черненковым, Антоновым, которые «высказались против вмешательства держав Согласия во внутренние дела России». Действительно, в центральных московских газетах стали появляться многочисленные заявления лидеров русских эсеров.

Например, в одном из них, от 7 февраля 1919 года, говорилось: «После октябрьского переворота 1917 года партия социалистов-революционеров, желая отстаивать свою программу, начала активную борьбу с Советской властью. Теперь обвинения большевиков в том, что они – суть наемные слуги германского империализма – ничем не обоснованны. Поэтому в отношении России державы Согласия становятся на путь удушения Русской революции, поскольку на окраинах бывшей Российской империи сформирована «реакция, обрамленная в национальные одежды». Именно в этой связи по заданию ЦК партии эсеров в Закаспий, а затем в Закавказье выехал член ЦК, бывший депутат Государственной Думы от Туркестана Вадим Чайкин. Ему была поставлена задача: собрать материал, доказывающий «причастность английских оккупационных войск к расправе над бакинскими комиссарами».

- Начало большой игры

Из воспоминаний Вилфрида Маллесона, руководителя британской военной миссии в Индии, Афганистане и Закаспийской области в 1918 – 1919 годах: «Британская миссия не желала, чтобы бакинские комиссары проникли в Закаспий и остались там. Но мы не желали, чтобы их убивали. Они были гораздо ценнее для нас живыми. Поэтому было решено настаивать, чтобы комиссары были немедленно переданы нам и посланы в Индию, где они были бы в заключении, не подвергаясь никакой опасности. Но было уже слишком поздно. В этот период времени мы не имели в Красноводске ни войск, ни братских представителей, хотя через несколько недель мы имели и то и другое. Порт и его ближайшие окрестности управлялись неким русским по фамилии Кун, властным и безжалостным человеком. Он посадил комиссаров в поезд под предлогом отправки в Ашхабад, но в нескольких милях от Красноводска жертвы были высажены из поезда, расстреляны и зарыты в пустыне, вдоль железнодорожного полотна. Судьба комиссаров и предпринятые мною действия для получения их в свои руки были надлежащим образом доведены до сведения Симлы, и мне было приказано выразить ашхабадским властям ужас и

отвращение, с которыми английское правительство отнеслось к этому жестокому преступлению.

В самом деле, инцидент мог бы пройти почти незамеченным, если бы не было только двух факторов: высокое положение некоторых из жертв и возможность, представившаяся большевикам, создать предубежденное отношение к Англии. Человек, благодаря которому это событие было вновь вскрыто и оформлено так, как он этого желал, был некто Чайкин. Он прибыл **в Ашхабад** из Ташкента в феврале 1919 года, спустя 5 месяцев после убийства. Он представился мне как социалист-революционер, бежавший от большевиков и страстно стремившийся присоединиться к деникинским войскам на Северном Кавказе».

Маллесон о контакте с Чайкиным сразу сообщил в Лондон. Там было решено затормозить переговоры с большевиками об обмене военнопленными до «прояснения ситуации». Точнее, англичанам необходимо было найти убедительные аргументы для того, чтобы доказать свою непричастность к расправе над бакинскими комиссарами. И они, похоже, ее нашли. Супруга Мустафы Чокая Мария Горина пишет: «В Тбилиси я встретила Вадима Чайкина. В этот период Чайкин занимался делом 26 бакинских комиссаров, приговоренных англичанами в 1918 году к расстрелу. Чайкин был зол на англичан. Ему удалось найти истинных виновников, которыми оказались большевики, эсеры и социал-демократы. В те дни из Петербурга приехал Н.Д.Соколов. Среднего роста, с черной бородой, с глазами каштанового цвета, он был очень приятен в общении. Состоял членом социал-демократической партии. Отец его Дмитрий был личным попом Николая Второго. Семья Дмитрия жила в церкви Зимнего дворца. Троцкий был его другом, они оба состояли в одной партии. Соколов нам рассказывал, как они прятали у отца в Зимнем дворце Троцкого, тайно приехавшего на партийный съезд. Никто кроме дежурных не знал, кто входил и выходил из дома вместе с Соколовым».

Эта личность до сих пор остается загадочной, хотя до октября 1917 года он снискал политическую известность защитой социал-демократов на многочисленных политических процессах. Член так называемой контактной комиссии и участник всех переговоров с Временным комитетом Государственной Думы по структуре будущей

власти. Близкий друг и соратник Керенского – как по адвокатской деятельности, так и по масонской организации. В 1916 году он вместе с А.И. Коноваловым (прогрессист), Д.Н. Григорович-Барским (кадет) входил в Верховный Совет масонов, секретарем которого являлся социал-демократ А.Я. Гальперн. Н.Н. Суханов в своих «Записках о революции» приписывает ему авторство создания в марте 1917 года Приказа № 1, который отменил в русской армии воинские звания.

Так что миссия Соколова в Тифлис и его встреча с Чайкиным была не случайной. Это был период, когда резко обострились отношения Сталина с Троцким. Лев Давыдович обвинял Иосифа Виссарионовича в «предательстве Бакинской Коммуны и в расправе над Шаумяном». Поэтому Соколову необходима была информация, добытая Чайкиным о смерти комиссаров в Закаспии. Он ее получил. По версии Чайкина, инициатором расправы над Шаумяном являлся работник Тамбовского ЧК Лев Дружкин, который для этого цели специально выехал из Москвы через Царицын в Ашхабад.

В марте 1919 года Вадим Чайкин появился в Баку. «Он добивался встречи со мной, и мы встретились на нелегальной квартире, – пишет в свих мемуарах Анастас Микоян. – Он сообщил, что находился более месяца в Закаспии, стараясь выяснить все фактические обстоятельства расправы над бакинскими комиссарами. Делал он это не только как профессиональный юрист, но и как член партии эсеров, желая лично убедиться, принимал ли кто-либо из членов его партии, входивших в правительство, участие в этом убийстве. Он хотел первым разоблачить их, осудить и тем самым смыть позорное пятно, дискредитирующее всю партию эсеров, в которую он верил. Чайкин считал твердо, что не будь за спиной закаспийского эсеровского правительства английского командования, само это правительство не осмелилось бы на это преступление».

Таким образом, Чайкин оказывался в западне со всех сторон. Он много раздумывал перед тем, как предать собранную информацию гласности. Сделал он это только осенью 1919 года на страницах издававшейся в Баку эсеровской газеты «Знамя труда», когда англичане были безопасны – они покидали Закавказье. И сразу разразился большой скандал. Вадим Чайкин «доказывал», что

непосредственным организатором расправы над комиссарами являлся глава британской военной миссии в Ашхабаде Реджинальд Тиг-Джонс. По Чайкину, убийство 26 безоружных людей, которых якобы взяли для вывоза в Индию, было совершено на глухой станции в Закаспии. Причем генерал Томсон помог бежать в Тифлис одному из видных участников убийства – Дружкину. Обращение Чайкина к английскому генералу Маллесону и к английскому генералу Мильну выдать правосудию Дружкина якобы ни к чему не привели. Откликнулся только министр иностранных дел Грузии Гегечкори, который тоже на словах обязался не выпускать Дружкина из Грузии. В это время комитеты русских и грузинских социалистов и русских закавказских меньшевиков подписали совместное заявление, осуждающее «образ действий английских военных властей».

К инициативе Чайкина быстро подключилась и Москва. Наркомат иностранных дел, ссылаясь на материалы Вадима Чайкина, заявил протест Лондону. В 1922 году материалы Чайкина были изданы отдельной книгой «К истории российской революции. Казнь 26 бакинских комиссаров». Это издание примечательно и тем, что на его страницах впервые географически точно обозначается место предполагаемой расправы над комиссарами – перегон Ахча Куйма Закаспийской железной дороги. Указывается и конкретный свидетель, который и предоставил Чайкину эту информацию – известный русский тюрколог, арабист, археолог, комиссар по иностранным делам Закаспийского правительства Лев Зимин. Именно он ввел в интригу любопытнейший сюжет: в расправе над «26» были заинтересованы представители Закаспийского розыскного бюро и представитель миссии Великобритании в Закаспии, который, по версии Зимины, «был большевиком, тайным эмиссаром Москвы».

- Эпилог

В ноябре 1919 года Лев Зимин переезжает в Баку, где работает на кафедре арабистики в Азербайджанском университете. Он рассчитывает, что может выступить в роли чуть ли не главного свидетеля международного судебного процесса по «делу 26», о

подготовке к которому заявил Кремль. И что же? В апреле 1920 года в Баку совершается большевистский переворот. 3 мая Зими́на арестовывают и в тот же день расстреливают. В списке казненных, опубликованном в 3-м номере бакинской газеты «Коммунист», в графе «причины казни» перед фамилией Зимин значится: «За участие в убийстве 26 бакинских комиссаров».

После большевизации Закаспия создается специальная комиссия ВЦИК ССР по опознанию останков комиссаров в местечке Ахча-Куйма. Ее возглавляет чекист Я.Х. Петерс. Он прибывает вместе с включенным в комиссию Чайкиным на место казни. Действительно, при вскрытии предполагаемого места захоронения обнаруживаются чьи-то человеческие останки с отрубленными головами. На место для опознания трупов вызываются родственники бакинских комиссаров. Однако они никого не признают. Тем не менее принимается решение «торжественно захоронить» комиссаров в Баку. Так, версия трагедии, предложенная Вадимом Чайкиным, приобретает официальный статус. 1922 год. В Москве готовится политический процесс по делу партии эсеров. Ленин предлагает включить в качестве одного из пункта обвинений «участие эсеров в расправе над комиссарами». Однако европейские юристы, приглашенные на этот процесс, требуют фактических доказательств. Их у Кремля нет.

Весной 1926 года в Баку начинается суд над главой Закаспийского правительства эсером Фунтиковым. В состав суда вошли Камерон, Мир-Башир Касумов и А.И.Анашкин. В качестве главного государственного обвинителя выступал Кавтарадзе. Допрашиваются десятки свидетелей. Фунтикова осудили и расстреляли. Чуть позже Камерон в своей докладной записке отметит, что «обстоятельства вывоза из Баку комиссаров и расправа над ними так и не были выяснены до конца».

1 сентября 1941 года во дворе изолятора орловской тюрьмы был расстрелян Вадим Чайкин. Он заявлял сокамерникам, что его «взяли» за то, что он знает подлинную историю гибели «26», ту, которую он «не мог по определенным обстоятельствам» описать в своей книге.

Так что не приходится удивляться тому, что в Баку продолжают циркулировать слухи о «таинственном исчезновении комиссаров в

Индии». Анастас Микоян в своих мемуарах, например, писал, что будучи в Индии с официальным визитом, он интересовался, запрашивал местные власти о «деле 26». Любопытно: такая папка в индийском архиве была, но она оказалась пустой.

Станислав ТАРАСОВ, Дмитрий ЕРМОЛАЕВ.

Федеральный еженедельник «Российские вести». 17-24 июня 2009
Taryhy makalalar